

В. Радкевич

ПОЭМА О БЕРЕЗНИКАХ

Я ищу этот город
 в преданьях и в памяти сердца,
Словно в снежную заметь,
 к нему пролагаю тропу.
Город — как человек.
 Он рождается, любит и сердится,
И проходит, смеясь и ликуя,
 у майских трибун.
Я за ним наблюдал,
 утомленно подошвами шаркая,
То в домах, то в Дворцах,
 то в музее, смешавшись с толпой.
Так мальчишка следит
 за полетом воздушного шарика:
Чуть рванется из рук —
 и уже высоко над тобой!
И, как будто почувствовав,
 что для поэзии требуется,
Город мне раскрывался —
 но только на миг и слегка.
И трещали натруженно
 ребра троллейбуса
Под напором рабочих
 с калийного рудника.
И, презрев светофоры,

мерцавшие у перекрестка,
Вечер шел напролом,
стучался в любое окно.
Выпив вовсе не кофе
в кафе под названьем «Березка»,
Парни ждали девчонок
и шли по соседству в кино.
Север в лица дышал,
по-таежному лютый,
И метельные тучи
свисали сугробами с крыш.
И опять драмтеатр:
«Рассудите нас, люди!» —
Тщетно к людям зывал
с театральных афиш.
Я ходил и глядел.
Но при этом досмотре подробном
Видел улицы. Баню. Вокзал.
Ну, а главного — нет и следа.
Только жизнью своей,
по своим образцам и подобьям,
Создаем мы любовь,
и мечту,
и свои города.
Я люблю этот город!
И как тут в стихи ни рассовывай
Всю сумятицу встреч,
важен главный исток и родник:
Что на этой земле
и живет, и работает содовый,
Что под этой землею
грохочет калийный рудник.
Я люблю этот город —
за ясность проспектов и планов,
За рабочую юность,
ее окрыленную власть,
И за Камушку-Каму,
которая тихо и плавно
На полнеба
по воле моей и твоей разлилась;
За газоны и клумбы
в росистых предутренних искрах
И за первосентябрьский —

для школьников — Праздник Цветов,
И за взлет и стремительность
зданий конструктивистских,
Очень схожих конструкцией
с юностью наших отцов.
Я стучусь в эту юность:
— Скажите, вы были какими?
Тридцать лет между нами.
Скорей разберите завал!
Покажите мне город,
который Республикой Химии
Молодой Паустовский еще называл.
Что вы знали?
И что в сновидениях видели,
Если снег подступал
сединою к виску?
...На свиданье с отцами
выходят строители
По хрустящему утреннему снежку.

* * *

Прорубленную просекой —
к заснеженной реке,
А зорька над сосенкой,
как знамя на древке.
Рябинка да калинка,
да сучья, как плети,
А будет — калийный,
очередь третья!
Морозец не упарил,
пожалуйста, готов!
Эй, где вы там, парни 30-х годов?
Работы земляные,
как и тогда.
Да года иные,
не те года!
К чертям лопаты,
верь не верь,
Вот экскаватор —
это зверь.
30 лет минуло
как-никак,

Выручай, милая
тех-ни-ка!
Такую бы, умную, —
да вам бы, земляки...
...Это юность встречается с юностью.
Место встречи:
Усолье — Березники.

* * *

Усолье, соляные копи,
какой стариною гордишься?
За Камой — болотные топи,
тайгу сторожат городища.
Пермяцких божков — на растопку,
язычников — в плети,
креститься,
меха соболиные — в клетки,
работных людей — в крепостницы:
поститься, за соль расплатиться,
пока захрипишь и не свалишься.
Как малые крепостицы —
бревенчатые солеварницы.
И солнце намокло в рассоле.
Солены Урала отроги.
Рассветы брели на Усолье,
чумазые, как углежоги.
Не хуже Фордов в Америке
мясо с костей состругивали
Лазаревы-Абамелики
и Строгановы со слугами.
Тряслись работяги в кашле.
Кайла в камень втыкали.
Со спин соленые капли
в землю опять втекали —
кровавые, потные, частые
от зноя и гнева палящего.
И тихо тикали часики
на животе управляющего.
Но капли долбили камень!
Земля рвалась из оков,
предчувствуя здесь, на Каме,
рождение Березников.

* * *

Ай, Пермь,
какие барышни
с откоса машут ручками!
А мы себе на барже
работаем грузчиками.
Червонцы по карманам,
до встречи в пивной.
Но крикнул Ардуанов:
— Айда со мной!
Кули потаскали,
и — баста, крест.
Ай, трест Союзакалий,
хороший трест:
дал спецодежду,
выдал аванс.
— Вся страна с надеждой
смотрит на вас...
Барышни поплакали.
Привыкли немножко.
Три дня внизу на палубе
пиликали гармошки.
Сосенки над кручей.
Приехали, стоп!
Был ты, парень, грузчик,
а стал — землекоп.
Ну, нет!
Лопата, скажете?!
Вот эта — с руки.
От земной тяжестигнулись черенки.
Мы сравнивали горы.
Срывали холмы.
Земля рожала город,
а город — это мы!
В пыли,
спецовки рваные,
побреемся потом,
бригада Ардуанова дает бетон!
Хоть натошак да впроголодь —
никто не тужил,
а дисциплинка строгая
без всяких дружин.

Не брали на поруки.
Любой понимал:
Нельзя марать нам руки,
Серго их пожимал.
Нас с музыкой встречали:
— Да здравствуют бетонщики!
Нам девушки вручали
букетики-бутончики.
Бетон — важнее хлеба,
нужнее наград.
Бетон —
трубою в небо
химкомбинат!
А вьюга лютела,
наделала дел:
как мерзлое тело,
бетон твердел.
И небо затвердело,
как стылый наст...
И вся страна глядела
с надеждой на нас!

* * *

— Я московский рабочий. Кадровый.
И к чему тут слова, подход?
Нам привычно:
шинельки скатывай
И — в поход!
Мы ведь грамотные.
Газеты читаем.
Приучились при Ленине,
пролетарском вожде.
И про Англию.
И про конфликт с Китаем
На КВЖД.
А тут — раздумывать не приходится,
Дело кровное как-никак.
Им же трудно сейчас приходится
В Березниках!
Вся страна
склонилась над картой.

Лес. Урал. А зимой — тяжело.
Я ж. — московский рабочий.
Кадровый.
Когда формируется эшелон?

* * *

А скажите,
вы о славе думали,
когда ветры с Заполярья дунули
и вставал Урал, медведь обложенный,
на дыбы
и ждал от вас оплошности,
но вы шли
урочищами раскорезенными,
жгли костры руками обмороженными,
на ветру глаза слезились,
красные,
(снова минус 50 на градуснике!),
и хребет трещал,
а все же выстояли
и дворцы, живя в бараках,
выстроили,
и все выше,
вся в поту и в инее,
поднималась над тайгой Химия —
в тех ночах,
до самой смерти памятных,
знали вы,
что город вам —
как памятник?

* * *

Ворчуны, жизнелюбы
в жизни — вовсе не паиньки,
Мы обычные люди.
И не ставьте нам памятники.
На уральских заводах
нашу жизнь продолжаете.
На заслуженный отдых
вы нас провожаете.

Нас зовут ветеранами.
Приглашают учащиеся.
Но рассветами ранними,
к сожаленью, все чаще
За гудком пароходным
по синеющим рекам
Мы неслышно уходим
в звезды, в роздыми, в реквием.
И над нами закаты,
как знамена, приспущены,
Коммунисты, солдаты —
мы в бессмертье пропущены,
Вам и слезы, и славу
этой жизни стремительной
Завещаем по праву
первостроителей.
Но до будущих дней,
до великого таинства,
Мы листвою тополей,
мы травинкой дотянемся...
Споря, радуясь, мучаясь,
рвитесь в звездные выси —
Наша участь
теперь от живущих зависит.

* * *

Бывает слава незаметной —
простой газетною заметкой
о хлебе, домне иль мартене.
И в небе, дома иль в артели
кого-то ищет
слава близкая,
ничуть не льстя и не заискивая.
Но как ее заметить,
скромницу, —
врача, рыбачку иль коровницу —
тому, с кого иконы пишутся,
а он, как хвост павлиний, пыжится?
Ты вовсе не такая, слава!
Беги же,
прячься поскорей:

стихи, поклонницы — облава
у театральных фонарей.
Певец, любимец, нету сладу.
Трезвончик выдаст за набат
и шустро превращает славу
в вино, в дерьмо, в красивых баб.
И вот уже
 трубит викторию,
что у народа он в чести,
и, как в «Асторию»,
 в историю
ему желательно войти.
Он славу лапает, как хахаль,
гогочет, волокет в кусты.
Но что тебе,
 Микула-пахарь,
до той тщедушной сусты!
Ты смотришь, ратай,
 в утро раннее,
у ног полощется земля.
В великом противостоянии
есть Человек.
 И есть Земля —
отцами, дедами завещана,
чтоб семя — сеять,
колос — жать.
Земля,
 упрямая, как женщина,
которая должна рожать.
Она лежит в слезах и славе,
и как испарина — роса.
И только мы
 помочь ей вправе
Усиьем плуга и резца.

* * *

Над нашей стройкой —
 то снег, то дождики.
На стройку стайкой
 летят художники,
снуют, рискуют,

в грязи ботиночки,
в обед рисуют
с девчат картиночки —
Большую Химию
отображают,
а те — хихикают,
не возражают.
Ах, Маши-Машеньки,
дугою бровки!
А мы, монтажники,
сидим в бытовке,
как черти, грязные —
бригада греется,
как черти, радостные —
работа клеится,
А жизнь-то разная,
но, в общем, ладится.
И брюки в праздники
на танцы глядятся —
танцуй до ночи,
еще захочется,
смешинки в очи
не прячь, заочница!
Девчонка-сварщик,
с ней станешь смирным:
— Давайте вальсик
вдвоем смонтируем!
Как зорька, свежая,
смеется весело:
— Что, танцы — смежная
у вас профессия?
Пускай смеется,
потом посватаем,
а мне придется
сидеть над ватманом,
а в руки ватные
рейсфедер тычется —
даешь, соратники,
политехнический!
Горит настольная,
будильник тикает...
Не топь застойная,
не заводь тихая —

жить надо начисто,
не без достоинства!
Отцами начато,
а мной — достроится.

* * *

Цветут над землею вишни.
А выше, а чуточку выше
С ведерком и кистью девушка
за лучик весенний держится.
Березонька, белобровочка,
В платочке березниковочка
Хлопочет под солнцем и дождиком
о доме, совсем новорожденном,
И окна смеются, вымыты,
и краски чисты, как вымыслы,
В квартирах еще струится
семнадцатилетье строительницы,
И дом, для людей распахнутый,
молод, как песня Пахмутовой!
Шторма, над морями — тише!
С ума, что ль, в Майами? — тише!
Маневры,
манера кланяться
пред колпаком куклуксклановца,
рекламы, казармы, нары,
седеющие сенаторы, —
как школьницу,
правду растлившие,
войну, как цветок,
растившие —
Тише!
Со мной говорит девушка.
Говорит почти неслышно,
глаз не видно в полумгле:
— Жизнь моя как эта вишня.
Корни прячутся в земле.
Корни крепко держат вишню,
хоть листочки и дрожат.
В землю лег отец у Вислы
девятнадцать лет назад.
Одинокой не забота ли?

Трое — меньше мал-мала!
Мать в колхозе на ферме работала.
Простудилась и умерла.
Младших взял в детдом заведующий.
Я — одна в пустой избе.
Но была соседка сведущей:
— В город надобно тебе!
Поживешь,
потерпишь малость,
зато — сытая.
Нянька — это специальность
дефицитная...
Город, город — сто дорог,
только б вырасти!
Ты катись, колобок,
лет четырнадцати,
Нянькой, стряпкой, судомойкой,
в кухни и дровяники...
На путевке
комсомольской
Я прочла:
«Березники».

* * *

Урал чертовски молод.
Что было — не в зачет.
Я нянчу этот город!
И он со мной растет
У камского бережка
по дням и по часам.
Его я очень бережно
вздымаю к небесам.
Ты хочешь, Город Химии,
земля моя соленая,
Окрашу небо в синее,
а улицы — в зеленое?
Веселыми веснушками
рассыплю дома,
А в небе погремушками
грянут грома!
Ах, краски — свет и ярость,
чудо, а не смесь!

Мне весело малярить
именно здесь.

* * *

Жизнь начинается заново.
Вот они, первые метки:
Улица Ардуанова,
улица Пятилетки —
Вы не из давней древности,
не из гостей незваных.
Сколько отцовской требовательности
в ваших простых названиях!
Взад да вперед не ходите,
а по привычкам стойким
Нас прямиком выводите
к школам и новостройкам.
В школах Сережи, Нагашеньки
учатся и дичатся.
А выйдут из них монтажники
небывалого счастья.
Юность, взлет соколиный,
в синь, в поднебесье взмывай!
Дай им закалку, калийный!
Ты помоги им, магниевый!
Лучится по-ильичевски
Камское море синее —
Это для вас, мальчонки,
живет на Урале Химия,
Для вас,
сидящих за партой,
утро Труда и Мира
Коммунистической партией
точно запрограммировано!

* * *

За Камою, за окоемом,
за древней каменной грядой
в сиянье тысячеоконном —
уральский город молодой.
Как он торопит утро сонное!
И, вырываясь из кольца,

все дальше, к пригородам, к Семино,
спешит —

и нет ему конца, —
никак он с нами не расстанется,
Уже сейчас

беря в расчет,
Что с Верхнекамской гидростанции
к нему Печора потечет;
войдя по грудь

в рассветы дымные,
он нас сзывает, как набат.

Взрывает одурь, глушь,

Дурыманы

Второй калийный комбинат, —
чтоб встали дружными, не хилыми
земные всходы по весне,
чтоб именно отсюда

Химии

шагать победно по стране,
чтоб солнце пить
и с бурей сладить
совсем молоденьким росткам!

И нет конца

рабочей славе.

И нет конца Березникам.